

Ухнем!

журнал задумчивых бурлаков

№3, сентябрь 2016

БАРБИЗОН НА ВОЛГЕ

Интервью и фото о фестивале

УЛЬЯНКИНЫ РАССКАЗЫ

Почему дети лучше взрослых

ХОРОШО ЛИ ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ?

размышления о столице и провинции

ХРОНИКИ КЛУБНОЙ ЖИЗНИ, ЧАСТЬ 2

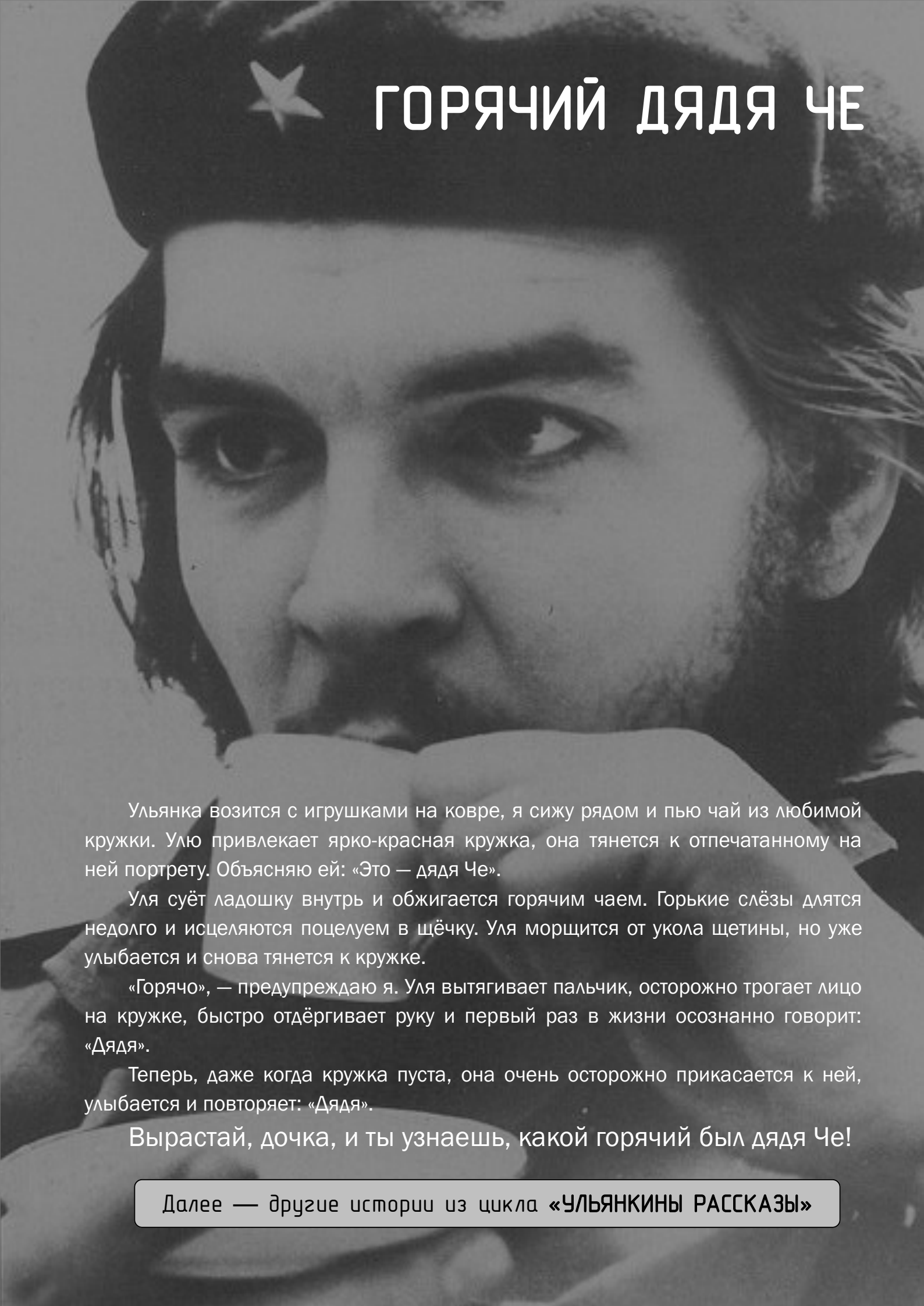
Народный дом от расцвета до заката

СОДЕРЖАНИЕ

[ТВОРЧЕСКАЯ СТУДИЯ]	
<u>УЛЬЯНКИНЫ РАССКАЗЫ</u>	03
Дмитрий Косяков	
 [ОБМЕН МНЕНИЯМИ]	
<u>ХОРОШО ЛИ ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ?</u>	10
Письма читателей о столице и провинции	
<u>НЕ ВСЁ ТО ЗОЛОТО, ЧТО БЛЕСТИТ</u>	22
Комментарий редакции	
<u>ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ НЕНАВИСТЬ</u>	28
Стихотворение Сергея Шамова	
<u>МОСКВА, или СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ</u>	29
Стихотворение Михаила Волчкова	
 [СДЕЛАЙ САМ]	
<u>БАРБИЗОН НА ВОЛГЕ</u>	31
Интервью и фото о фестивале	
 [КУЛЬТПРОСВЕТ]	
<u>ХРОНИКИ КЛУБНОЙ ЖИЗНИ</u>	47
Народный дом от расцвета до заката	

Иллюстрации этого номера:

Стр.1, 9, 34, 38, 40, 46, 62. Фото Антона Репина.
Стр.12. Фоновая иллюстрация — фото Николая Рыкова.
Стр.43. Источник фото — serg-16.livejournal.com.
Стр.61. Плакат Ленинградского губернского совета профсоюзов (1927).

★ ГОРЯЧИЙ ДЯДЯ ЧЕ

Ульянка возится с игрушками на ковре, я сижу рядом и пью чай из любимой кружки. Улю привлекает ярко-красная кружка, она тянется к отпечатанному на ней портрету. Объясняю ей: «Это — дядя Че».

Уля суёт ладошку внутрь и обжигается горячим чаем. Горькие слёзы длятся недолго и исцеляются поцелуем в щёчку. Уля морщится от укола щетины, но уже улыбается и снова тянется к кружке.

«Горячо», — предупреждаю я. Уля вытягивает пальчик, осторожно трогает лицо на кружке, быстро отдёргивает руку и первый раз в жизни осознанно говорит: «Дядя».

Теперь, даже когда кружка пуста, она очень осторожно прикасается к ней, улыбается и повторяет: «Дядя».

Вырастай, дочка, и ты узнаешь, какой горячий был дядя Че!

Далее — другие истории из цикла «УЛЬЯНКИНЫ РАССКАЗЫ»

УЛЬЯНКИНО ТВОРЧЕСТВО

Ко мне приходят друзья и мы делимся друг с другом тем, что успели открыть, сочинить, написать. Ульянка — тут как тут, подползает и просится ко мне на руки, завладевает шариковой ручкой и тычет ею в наши тетради и распечатки, оставляя свои пометки на страницах и наших руках. «Будет писательницей!» — смеются товарищи. Я улыбаюсь: такая перспектива мне, конечно, льстит.

Вечером Уля с интересом следит за маминной работой — как под её ловкими пальцами бесформенные комочки глины превращаются сначала в шарики, лепёшки, колбаски, а затем в чашки, бусинки и кулончики. Она требует и себе кусочек глины и принимается его мять, выпятив от усердия губки. «А может, ты будешь художницей?» — улыбаясь, спрашивает её мама.

Я сижу рядом и пью чай из моей любимой кружки. Я не возражаю: такой вариант меня тоже устраивает.

Автор и его дочь

УЛЬЯНКИНЫ

ТВОЯ ПОГРЕМУШКА

В гости к Ульянке пришёл дедушка. Дедушка любит дарить внучку. Сегодня он принёс ей погремушку. «Бери, — говорит дедушка. — Теперь она твоя». Уля берёт игрушку, хотя и не понимает, что значит «твоя». Когда ей что-то нравится — игрушка, телефон, книжка, неосторожно оставленный на виду документ — она берёт это, не интересуясь, чья это собственность. Если же попросить её дать что-нибудь, она тут же отдаёт и не жадничает.

Мир Ульянки не поделён на своё и чужое, он целиком принадлежит ей и её маме, папе — всем.

ШАРИК

Поход в торговый центр планируем, как битву под Аустерлицем. Накопился целый ряд необходимых покупок, которые лучше сделать разом, чем бегать по различным магазинам. Выбрали подходящее время. Теперь нужно определить, по какому направлению будем атаковать. Добраться до торгового центра на автобусе — не самый удобный вариант: в автобус ещё ведь надо влезть с коляской, ибо без коляски с маленьким ребёнком в торговом центре делать нечего. Кроме того, от автобусной остановки ещё предстоит неблизкий путь через лабиринт автомобильной парковки. Так что решили сразу идти пешком.

Катим коляску по занесённым снегом улицам, Ульянка пугливо оглядывается на ревущие со всех сторон автомобили. Наконец, в целости добираемся до ТЦ. Один из плюсов отцовства-материнства заключается в том, что окружаю-

щие становятся отзывчивее и предупредительнее — уступают место, придерживают дверь. Всегда приятно, когда человек вдруг поступает по-человечески. Да даже просто как-то теплеют глаза людей, когда они глядят на ребёнка.

РАССКАЗЫ

Дмитрий Косяков (Красноярск)

Ульянка же с трудом замечает отдельных людей, она оглушена и придавлена огромными размерами помещения, движением толпы, нагромождением товаров и рекламных плакатов, гулом, в котором сливаются людской говор и грохот динамиков, ослеплена блеском витрин. Она сразу стала такой крошечной и несмыслённой, как будто помолодела месяца на три-четыре. В коляске боится сидеть, постоянно просится на ручки.

Раздатчик рекламы протягивает ей красный шарик с логотипом некой фирмы. Ульянка вдруг оживает, улыбается и живо хватает подарок. Ей нравится шарик, ей приятно, что на неё обратили внимание, ей интересно что-то схватить. А на всякие логотипы ей пока что наплевать.

В НАШЕМ ДВОРЕ

Вместе с Ульянкой я заново проживаю своё детство. Я снова выхожу гулять во двор, он снова стал моим космосом, к которому я внимательно присматриваюсь, изучаю его. Я перезнакомился со всеми соседями. Когда у тебя и у них дети, это просто. Поэтому и знаю соседей я не по их именам, а по именам их детей: мама девочки Кристины, бабушка мальчика Арсика, папа мальчика Севы. Папы менее разговорчивы, они неохотно поддерживают беседу о своих детях, зато мамы и бабушки всегда готовы точно назвать и количество зубов своего ребёнка, и как он спит, и как он ест, и — наоборот.

Теперь Ульянка гораздо успешнее мешает мне работать. Её оскорбляет, что папа уткнулся в компьютер и не играет с ней, даже если дома есть ещё кто-нибудь, с кем можно было бы поиграть. Блаженны дни, когда удаётся хоть на несколько часов передать её бабушке. Тогда можно быстро и результативно поработать и даже разгрузить немного времени на творчество.

Ну вот, сделано и то, и другое, и третье. Чтобы дать отдых глазам, я выхожу с книжкой во двор. Но, странное дело, без Ульянки я чувствую себя во дворе чужим. Без дочки соседи меня не узнают, а те, которые узнают, сразу спрашивают, куда же я её девал. Я и сам не пойму, куда мне деваться, ибо привык следовать по двору за моей неуклюжей дочуркой, а теперь, как мне кажется, двигаюсь слишком прямо и быстро и постоянно натыкаюсь на путающихся под ногами детей.

Мне неловко приближаться к песочнице, хотя за последние дни я здорово научился делать песочные куличики, мне неловко отвечать на вопросы знакомых ребятишек (то есть, конечно, не моих, а ульянкиных знакомых), мне неловко заговаривать с молодыми мамочками.

Сажусь на краешек скамейки, переворачиваю пару страничек и бегу к бабушке. За Ульянкой, пока наши общие друзья не разошлись по домам ужинать.

Ульянкины рассказы

РАДОСТЬ

Ульянка сидит в ванной и забавляется переливанием воды из кружечки в баночку. Я стою рядом на коленях и смотрю за тем, чтобы она не принялась пить. И вдруг на какое-то мгновение мне показалось, что это я — маленький счастливый ребёнок, сидящий в ванной.

Ульянка занимается своими баночками и кружечками и время от времени взвизгивает от удовольствия. Интересно, думаю я, почему она всё время такая весёлая? Почему дети так веселы, и почему мы, взрослые, так угрюмы? И чем больше взрослый человек хохочет и скалит зубы, тем меньше ему веришь. А вот дети действительно искренне рады всему подряд. Подпрыгивает ножками — счастье, проснётся и увидит маму с папой — счастье, прыгнет, а точнее свалится, с кучи подушек на диван — счастье. Что это? И можем ли мы такими стать? Умный и скучный человек скажет: это неразвитость, недооформленность психики. Вот и выходит у умного человека, что детская радость — это нечто ненастоящее, только бесконечная злоба взрослых — это правда.

Нет, мне кажется, что радость ребёнка – это не только первичная простота эмоций, но и счастье первооткрывателя, экспериментатора, когда каждый новый опыт приносит потрясающие результаты. Недавно Ульянка научилась залезать на стулья. Скольких усилий и риска ей это стоило! Как червячок на стволе дерева, она подолгу замирала на краю сиденья, вцепившись в обивку, не в силах закинуть коленку вверх. И даже после этого очень медленно и осторожно выпрямлялась. Но зато со стула, с этой головокружительной высоты ей открывался целый новый мир: все предметы, вся комната виделись в совершенно новом свете, а главное, она получила доступ к тому, что лежит на столах, и что не успели спрятать не готовые к такому повороту родители. Сколько усилий, но зато какой результат!

Думаю, подобный восторг доступен учёному, влюблённому в свою науку и сделавшему открытие, раньше так же чувствовали себя путешественники-первооткрыватели. Да разве не то же самое ещё недавно испытывал я сам, когда писал стихи, которые мне самому нравились? Вспомните знаменитое «Ай да Пушкин!» — разве это не та же степень счастья, упоения миром и собой в этом мире? А «это радость со слезами на глазах» разве не то же самое?

Человек рождается творцом, исследователем, экспериментатором, вершителем. Каждый день приносит маленькому ребёнку новые открытия, достижения и завоевания. Так что разница между детьми и взрослыми заключается не только в степени развитости психики, но и в том, как мы, взрослые, устроили нашу жизнь. Мы безмерно запутали её, превратили в унылую борьбу за выживание, перессорились между собой, посвятили свой могучий разум поиску денег и примитивным развлечениям, продались в беспросветное рабство, завалили свою жизнь и весь мир каким-то хламом.

Мы узнали всё то, что полагается знать детям, и остановились на этом, а чудесные загадки большого космоса и микрочастиц, завоевания в борьбе с косной материей, с социальным и моральным злом всё ещё ожидают нас. Я верю, мы «станем как дети» и вернём себе чистую радость, ради которой появились на свет...

...Уля поливает меня из кружки, я с улыбкой грожу ей пальцем.

Мы попросили молодых людей из провинции, которые переехали жить в столичные города, написать на нашу редакционную почту о своих впечатлениях.

ХОРОШО ЛИ ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ?

письма читателей о столице и провинции

Миллионы людей приезжают в Москву в поисках лучшей жизни. Пробки, толпы людей в метро и на улицах, бешеный темп...

Бытует мнение, что большой город либо ломает, либо делает сильнее. А поэтому выжить здесь может только целеустремлённый, уверенный в себе человек, который точно знает, чего он хочет от этой жизни.

Впервые приезжая в столицу, многие считают, что на них здесь сразу с неба упадёт высокооплачиваемая работа, квартира, машина и весёлая, беспроблемная жизнь. Однако здесь никто никого не ждет, и никто не поможет даже в самую

трудную минуту. Можно рассчитывать только на себя и свои собственные силы. Ведь не зря столь популярной оказалась пословица «Москва слезам не верит».

В Москве могут бессовестно обмануть неопытного человека, здесь царит особая чёрствость и всеобщая суета. Но всё-таки, если человек умен, образован и хоть немного разбирается в людях, то достичь желаемого не составит для него особого труда. Да, это очень непросто, но никто и не обещал, что жить в большом городе легко. Скорее — трудно, но интересно.

Большой город представляет собой своеобразное государство в государстве, со своими особенными правилами и законами. Горожанам не знакомы проблемы провинций, нет той замкнутости на завтрашнем дне, все как-то легче и проще. А объем культурного наследия в больших городах вообще колоссален. Огромное количество музеев, выставок, театров, памятников архитектуры – всего того, что способствует духовному развитию личности.

Есть возможность каждые выходные проводить с пользой и получать новые впечатления. Театральные спектакли, зелёные парки, модные выставки и концерты известных исполнителей – все это только небольшая часть разнообразной культурной

жизни Москвы. В тёплое время года в парках можно кататься на роликах или велосипеде, загорать под берёзками или читать книги на зелёном газоне. Зимой парки превращаются в большой каток.

Каждый уголок города продуман и сделан с заботой о жителях столицы. Во дворах есть детские площадки, по утрам моют улицы и остановки, общественный транспорт ходит до часу ночи. Самый комфортный вид транспорта для города-миллионника – это метро. Вообще, общественный транспорт в Москве заслуживает отдельной похвалы (в отличие от Самары...). Очень удобные автобусы с кондиционерами, трамваи, которые домчат вас до нужного вам места без пробок.

Именно тут понимаешь, что в регионах, к сожалению, этого никогда не будет. Уж так устроена наша страна, что все финансовые потоки сосредоточены в Москве, а значит, и основная часть инвестиций.

В любом случае каждый сам выбирает для себя, где и как ему жить. Для кого-то спокойная, однообразная жизнь в маленьком городе намного комфортнее, чем динамичная в большом. Что касается меня, то я выбираю жизнь в большом городе. Там она полна загадок и тайн,

перспектив и возможностей, побед и свершений. Большой город – это место, где мечты становятся реальностью, сказка былью, а невозможное возможным!

Жизнь в Москве прекрасна, если вы с умом относитесь к тем возможностям, которые дает этот город!

Ксения Утова, инженер-сметчик

Мне 22 года, я переехала в Москву в 2011 году, когда поступила в РАНХиГС при Президенте РФ. Сейчас живу и работаю в столице.

Честно говоря, я не ждала от переезда чего-то особого. Москва стала просто дополнением к учебе в вузе. Когда в детстве я приезжала в Москву на каникулы к папе, я убеждала его, что Самара не так уж сильно отличается от столицы. Возможно, мне просто хотелось поспорить... К счастью, я ошибалась – Москва другая.

Изначально я собиралась поступать на Электротехнический факультет в СамГТУ вместе с половиной нашего

класса, но потом совершенно случайно познакомилась в поезде с интересным человеком, и мое мнение изменилось. Зачем получать образование в той сфере, которая меня совершенно не привлекает? Мне был всегда интересен бизнес и маркетинг, и я много читала. Значит, нужно было идти в экономику и учиться этому. Я была уверена, что хорошее экономическое и бизнес-образование невозможны без грамотного нетворкинга* как внутри, так и вне стен университета. Вывод один – нужно было готовиться поступать в Москву, ведь в Самаре таких возможностей просто не было.

Жизнь в провинциальном городе и в столице отличается. Практически все, кто остался в Самаре и приезжают в гости, заводят разговор о каменных джунглях, плохой экологии и постоянных пробках, и мне приходится доказывать и показывать, что все не так однозначно.

В Самаре у меня не было ухоженного парка рядом с домом. Сейчас я живу в пяти минутах ходьбы от Олимпийского парка с прудами, где проходят занятия по бегу от Adidas, где можно покататься на катамаранах и поиграть в волейбол на бесплатной оборудованной площадке. В 10 минутах ходьбы – парк 50-летия Октября, где можно покататься на велосипеде, позаниматься спортом с командой Reebok, сделать барбекю или погулять с ребенком. И

мой случай не исключение – раньше я жила в двух минутах пешком от замечательного пруда, куда утром выходили на пробежку жители района, вечерами рыбаки ловили рыбу, а в выходные дни пруд становился местом семейного отдыха, а в 10 минутах от моего дома был Филёвский парк с отличной набережной и пляжем. По данным на 2011 год, парки, бульвары, аллеи занимали не менее трети всей территории Москвы, и с тех пор эта цифра только возросла.

Студентам предоставлено множество возможностей для развития и досуга, и сделано многое, чтобы мы могли этим пользоваться: дешевый проезд, льготные билеты в музеи и театры, не говоря уже об отличных библиотеках.

* *Нетворкинг* (от английского networking, буквально «плетение сети») — налаживание нужных связей.

На базе вузов, компаний и различных профессиональных сообществ проходят бесплатные лекции. Разве в Самаре можно лично задать вопрос президенту Uber, Airbnb, Сбербанка или Нобелевскому лауреату? Можно, но очень редко. В Москве такие мероприятия проходят практически каждый день. **Всего, что ты хочешь, можно достичь, главное – найти и делать.**

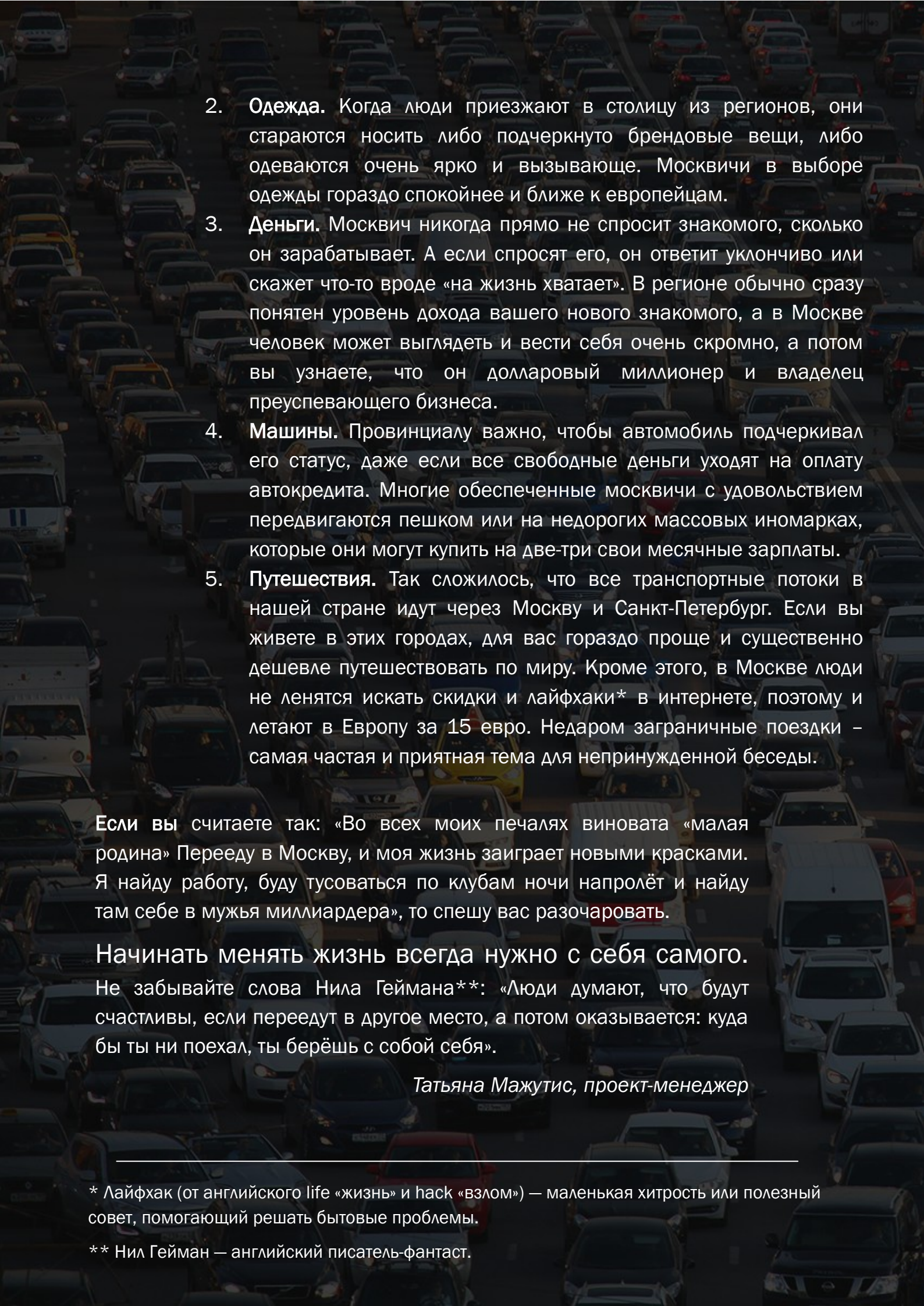
Хочешь выучить иностранный язык? Знакомься с иностранцами (например, по couchsurfing), посещай клубы английского языка и конференции с приглашенными гостями. Хочешь заниматься спортом? Найди группы во «ВКонтакте» Reebok, Nike, Adidas, Nula Project, #SektaSchool и вперед – покоряй спортивные вершины. И все это абсолютно бесплатно.

«Не знаю, как у вас в Москве, а у нас в России...». Я часто смеялась над этой фразой, но в каждой шутке есть доля шутки – остальное правда. В Москве ты видишь, за что ты платишь налоги. Ты не задыхаешься от пыли летом, не тонешь в грязи осенью, не падаешь на каждой скользкой горке зимой, а весной не плывешь по лужам, как бумажный кораблик. Ты не боишься потерять колесо своей машины в очередной канаве во дворе. Не боишься идти ночью по улице – везде горит свет. Есть один минус – к хорошему быстро привыкаешь.

Для Москвы понятия «местный» и «приезжий» размыты. Что значит местный? Тот, кто родился и вырос в Москве? Тот, у кого несколько поколений предков родились и выросли в Москве? Если ты говоришь по-русски без акцента, для меня ты априори местный. Хотя бывают исключения, причем как в хорошую, так и в плохую сторону. Как мне кажется, все зависит от самосознания. Человек, которому некомфортно жить, никогда и нигде не будет чувствовать себя как дома. При этом меня забавляют люди, которые прожили в Москве всего несколько лет и считают себя москвичами. Я думаю, что нельзя забывать, откуда ты приехал, и я всегда с гордостью говорю, что я родом из Самары.

Можно выделить несколько характерных черт, которые сразу отличают москвича от регионала:

1. **Жилье.** В регионах мы привыкаем к тому, что до работы можно дойти или доехать максимум за полчаса. В Москве дорога на работу и с работы может занимать до 4 часов каждый день. Поэтому приезжие стараются жить как можно ближе к центру, даже если тратят большую часть заработанных денег на аренду. Москвичи же привыкли долго добираться на работу, поэтому жизнь на дальней окраине их не пугает.

-
2. **Одежда.** Когда люди приезжают в столицу из регионов, они стараются носить либо подчеркнуто брендовые вещи, либо одеваются очень ярко и вызывающе. Москвичи в выборе одежды гораздо спокойнее и ближе к европейцам.
 3. **Деньги.** Москвич никогда прямо не спросит знакомого, сколько он зарабатывает. А если спросят его, он ответит уклончиво или скажет что-то вроде «на жизнь хватает». В регионе обычно сразу понятен уровень дохода вашего нового знакомого, а в Москве человек может выглядеть и вести себя очень скромно, а потом вы узнаете, что он долларовый миллионер и владелец преуспевающего бизнеса.
 4. **Машины.** Провинциалу важно, чтобы автомобиль подчеркивал его статус, даже если все свободные деньги уходят на оплату автокредита. Многие обеспеченные москвичи с удовольствием передвигаются пешком или на недорогих массовых иномарках, которые они могут купить на две-три свои месячные зарплаты.
 5. **Путешествия.** Так сложилось, что все транспортные потоки в нашей стране идут через Москву и Санкт-Петербург. Если вы живете в этих городах, для вас гораздо проще и существенно дешевле путешествовать по миру. Кроме этого, в Москве люди не ленятся искать скидки и лайфхаки* в интернете, поэтому и летают в Европу за 15 евро. Недаром заграничные поездки – самая частая и приятная тема для непринужденной беседы.

Если вы считаете так: «Во всех моих печалях виновата «малая родина» Перееду в Москву, и моя жизнь заиграет новыми красками. Я найду работу, буду тусоваться по клубам ночи напролёт и найду там себе в мужья миллиардера», то спешу вас разочаровать.

Начинать менять жизнь всегда нужно с себя самого. Не забывайте слова Нила Геймана** : «Люди думают, что будут счастливы, если переедут в другое место, а потом оказывается: куда бы ты ни поехал, ты берёшь с собой себя».

Татьяна Мажутис, проект-менеджер

* Лайфхак (от английского life «жизнь» и hack «взлом») — маленькая хитрость или полезный совет, помогающий решать бытовые проблемы.

** Нил Гейман — английский писатель-фантаст.

Когда летом в далеком 2013 году поезд уносил меня от волжских берегов по направлению к белокаменной, в сердце, честно говоря, ничего не ёкало: не было какого-либо волнения или возбуждения – цель переезда была поставлена давно, да и в столице я была частым гостем, так как тут жила (и живёт) моя сестра с семьёй, к которой я часто ездила на школьные каникулы. Несмотря на то, что три года учебы в Вышке я прожила в общежитии, которое находится «за МКАДом», в Москве я проводила и провожу большую часть своего времени – учеба, стажировки, тренировки по игровым судам, встречи с друзьями.

К первопрестольной у меня сложилось особое отношение с самого

первого посещения году этак в 2007. Суматоха, вечное движение, толпы самых разнообразных людей – то, чем город, как правило, отталивает, меня же очаровал, но, пожалуй, именно потому, что это все как нельзя лучше выражает меня как человека – я постоянно в движении, куда-то спешу, стараюсь успеть всё и как можно скорее. А, учитывая, что к этому всему прилагается потрясающая архитектура, море самых разнообразных возможностей в любых сферах, а порой даже непередаваемая атмосфера волшебства, то сразу напрашивается вывод о том, что Москва – идеальный город для студенчества и начала своей карьеры, который крайне сложно оспорить.

Среди моих друзей, товарищей и знакомых много москвичей, и, честно сказать, я ни разу не чувствовала себя каким-то образом ущемлённой или иным образом выделяющейся тем фактом, что я приехала из провинции (ну, не считая редких шуточек про Самару-городок). С самого первого курса я старалась максимально интегрироваться в социальную жизнь университета, что однозначно помогло быстрее привыкнуть, даже полюбить столицу. Так что сейчас «дома» для меня — это скорее в Москве, в месте, где мои желания, цели и стремления соприкасаются с реальностью, где живут близкие мне люди, где я обретаю, строю и нахожу себя.

Главное отличие от жизни в моей родной Самаре (*которую я, тем не менее, очень люблю*), на мой взгляд, – это темп города и безумное количество возможностей и шансов в карьере, учебе, социальной жизни, развлечениях. Я сама всегда была такого мнения, что, если человек чего-то очень хочет – не важно, в Москве он или в Самаре, при усердии, стремлении и отдаче, он сможет добиться желаемого либо осуществить поставленную цель. Однако Москва отличается от практически любого иного провинциального города тем, что большая часть инициатив ли-

бо уже кем-то реализована, и у человека есть паттерн* ведения проектов, что значительно облегчает процесс достижения цели, либо есть все или необходимые для этого условия и предпосылки. Причина тому проста – Москва всегда привлекала целеустремленных и талантливых личностей, которые своими трудами смогли создать подобную обстановку. Если же нет ни того, ни другого – есть огромная возможность найти себе подобных, синергировать усилия и стремления и сделать что-то новое, большое и непревзойденное.

Отличным доказательством вышеприведенных мыслей может служить университет, в котором я учусь, – Высшая Школа Экономики (это не реклама самого лучшего университета России ☺). На любом факультете при активной социальной позиции можно вовлечься в самые разнообразные мероприятия, которые не только подарят полезные и интересные знакомства, но и дадут непередаваемый ценный опыт.

* Паттерн (от английского pattern «образец») — образец, шаблон.

Здание ВШЭ

Более того, когда тебе преподают люди, которые являются титанами своей профессии, твоими ролевыми моделями, о которых ты только читал в журналах или интернете, или по чьим статьям и монографиям готовился к олимпиадам, ты не можешь не выкладываться на самый максимальный процент (да и упоминать не нужно о том, что ты всегда можешь подойти к ним поболтать после пар, попросить «карьерного» и не только совета, писать курсовые работы или научные статьи и т.д.). И самое важное приобретение студенчества в столице – это ценные знакомства и дружеские связи с крайне целеустремлёнными, интереснейшими, вдохновляющими ребятами,

а всё потому, что Москва – магнит для подобных людей.

Я не хотела бы закладывать какой-то идеализированный образ столицы, в ней наравне со всеми положительными чертами однозначно много капканов, минусов, ловушек, однако на данный момент точно уверена, что опыт жизни в столице для юных и увлечённых ребят будет точно положителен – по крайней мере, он покажет человеку, чего действительно желает его душа и разум, и как действовать, чтобы этого добиться (в Москве ли или в любом другом городе нашей славной Родины).

Юлия Драгунова, юрист

Я уехала из Самары в 2013 году, сразу после школы. Мне не было восемнадцати, не было мозгов и не было, собственно, причин уезжать. Отличная семья, какие-никакие друзья, все знакомо и привычно. Привычная грязь на улицах, страшные лица местных пьянчуг, дребезжание трамваев и крики детей и мамаш во дворе. Что это был за импульс, который в середине 11 класса за меня решил, что подавать документы я буду только в питерские вузы – я не берусь сказать.

Никто, родители так точно, не ожидал от меня такого подвоха. Но я поступила и уехала. В город, в котором была до этого лишь однажды в 12 лет. Опуская мои отношения с Университетом, в который я поступила, все мои ожидания оправдались целиком и полностью. Город меня захватил, я чувствовала себя в месте, специально для меня предназначенном. За месяц я присвоила себе этот город, а он позволил мне это сделать. Возможно, все от глупости, но третий год, выезжая с Васильевско-

го острова на Университетскую набережную, я чувствую, как сердце ухает и непроизвольно расплываюсь в довольной улыбке. Знакомые коренные петербуржцы в ответ на мои непрекращающиеся восторги деликатно хмыкают и говорят, что это пройдет. Я же все жду, когда пройдет, но мне в Питере каждый закат кажется особенно прекрасным, каждый июнь особенно пахнет сиренью, а от перспектив улиц с рябью домов я вообще не могу оторвать взгляд.

Я ощущала себя гостем первые недели две, не больше. Потерявшимся пингином послонявшись по станциям метро, я выучила все выходы и переходы. С веселой университетской компанией прошла весь город вдоль и поперек. Послушала БГ на Дворцовой площади в огромной толпе. Попала на крышу во время «Алых парусов» и видела этот огромный салют. Съездила с друзьями на Финский залив и увидела серое Балтийское море, сосны и шиповник. Сходила в поход на Ладогу, побродила по болотам. Устроилась на работу, уволилась с работы, металась между университетами, людьми, идеями, выросла. После всего этого у меня не осталось сомнений, что в Питере я дома и я здесь надолго.

Определить главное отличие Питера от Самары сложно, я выделю сразу два: возможности, в этих городах открывающиеся, и люди, эти города населяющие. У меня нет данных статистики, к сожалению, я просто смотрю на лица, поэтому все это субъективно. Образованных, осмысленно живущих и критически мыслящих людей в Питере гораздо больше, чем в Самаре. Думаю, это связано с тем, что количество и качество доступной информации формирует некоторый вкус, прививает интерес к областям человеческой деятельности, в которых сконцентрировано то доброе и вечное, что делает человека человеком. Кто сможет отфильтровать луч-

шее и выявить общечеловеческие ценности, станет личностью и будет идти вперед, сменяя города, профессии, страны, идеологии.

В Самаре же все носит налет обывательского, наплевательского отношения, раболепия перед властью имущими и пренебрежения к возвышенному. В такой застоявшейся среде вырастить в себе любовь и интерес к работе, наблюдению и размышлению очень сложно, а сохранить эти качества на всю жизнь – мне кажется, невозможно. Поэтому в Самаре хорошо родиться, хорошо подрасти на волжских просторах, а потом, может быть, вернуться, если будет решимость что-то в этом городе исправлять.

Но не попробовать из Самары уехать – не только из неё, а из любого такого же города – это непростительно. Непростительное ограничение мечтаний, предусмотрительное сбережение сил и ресурсов души. Узнать себя и понять, чем ты можешь этому миру пригодиться, возможно лишь в ситуации критичной, посягающей на твой покой и вынуждающей выходить из зоны комфорта.

Комплекса провинциала – если такой есть – у меня не было и нет. Стесняться Самары я не думаю, выставляя себя за петербурженку – тоже. Как вам мысль, что провинциал – это состояние души, а не ярлык, который навешивается с детства?

Вообще мне кажется, что это всё условности, свойственные высшему обществу чванливой Англии XIX века. Сейчас важно не происхождение, а то, что у тебя в голове, какие стремления тобой движут, что ты за человек.

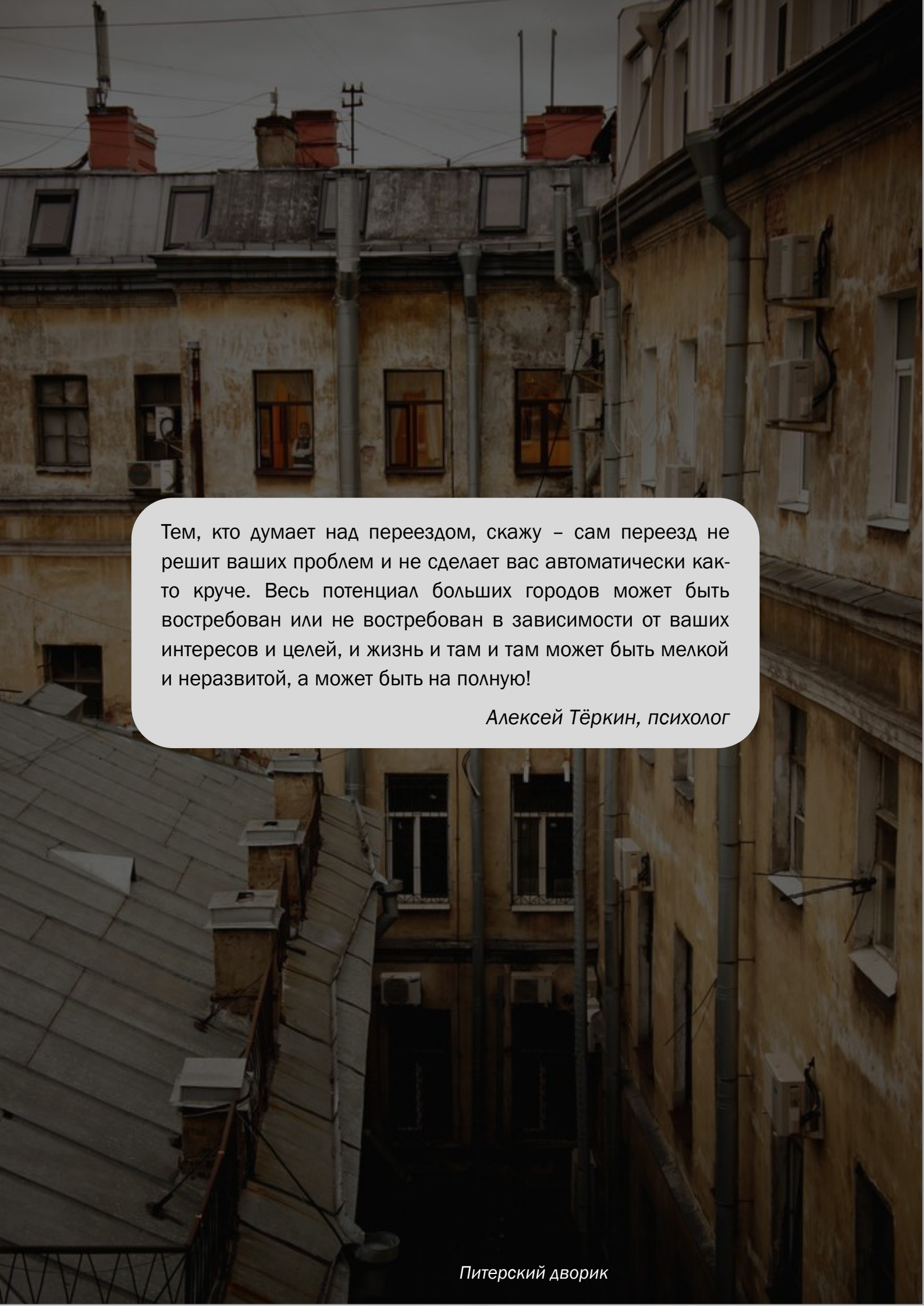
Татьяна Шамова, студентка

В моём городке, где даже скромный областной центр был в 70 километрах и считался огромным мегаполисом, слово «Питер» было особенное. Жизнь «там» воспринималась немного как на другой планете. Рассказы побывавших «там» зачастую выслушивались как занятные истории, а уж если кто уезжал туда жить – то прочно пропадал со связи, а когда всё-таки появлялся – видно было, что он стал немного

У нас были люди, считающие наш городок «дырой» и ноющие о том, что «надо валить», но, что характерно, – продолжающие в нём жить. Позже я узнал, что такие люди есть и в мегаполисах – они ноют о загранице, находя в таком нытье некое оправдание своим промахам. К переезду меня сподвигли жизненные и профессиональные планы – оказалось, что они предполагают большой город и культурный центр, к тому же появились друзья. И я переехал в Питер.

Первое, что могу сказать – жизнь в большом городе может быть самой разной. Я сперва удивлялся и путешествовал, восторгался культурным местам, шокировался огромным количеством людей в метро, каждый день был долгим, богатым на впечатления, настраивал на размышления. Потом незаметно я погряз в рутине и путь мой сократился «от дома до работы и по пути в магазин», и по прошествии года вдруг оказалось, что я почти не был в знаменитых питерских музеях и театрах, что все культурные сокровища так и лежат невостребованными горами. Потом Питер надоел своей мерзкой погодой, и я удивлялся настойчивым картинкам в стиле «ой, как я люблю Питер» некоторых моих знакомых – в тот период Питер виделся мне ничем не лучше полузаброшенного рабочего посёлка.

А потом я укрепился, стал развиваться по своим интересам и вдруг, по прошествии нескольких лет, понял главное богатство Питера и уникальность его как мегаполиса. Это, конечно, не болотистая земля, не каменные набережные и не сырой климат. Даже не музеи с театрами и не культурные фонды. Главным богатством оказались люди – точнее, яркое разнообразие их жизни и движений. Я заинтересовался танцами – и открыл огромное количество танцевальных направлений, где собираются настолько разнообразные люди из самых разных мест, что общение с ними превращается в огромное окно в жизнь, очень обогащающее. Именно такое биение жизни – фестивали, проекты, мастер-классы, всевозможные творческие встречи – открыло мне настоящий Питер.

Тем, кто думает над переездом, скажу – сам переезд не решит ваших проблем и не сделает вас автоматически как-то круче. Весь потенциал больших городов может быть востребован или не востребован в зависимости от ваших интересов и целей, и жизнь и там и там может быть мелкой и неразвитой, а может быть на полную!

Алексей Тёркин, психолог

НЕ ВСЁ ТО ЗОЛОТО, ЧТО БЛЕСТИТ

Комментарий редакции

Мнения, которые вы только что прочитали, ценны и интересны сами по себе. Но мы сочли необходимым дополнить их некоторыми комментариями, чтобы обрисовать проблему и попытаться проанализировать её.

Во-первых, хотелось бы развить мысль одного из авторов писем – о том, что образ «заграницы» в сознании столичного жителя играет ту же роль, что и образ «столицы» у провинциала. Вообще отношения между столицей и провинцией внутри нашей страны аналогичны отношениям между странами метрополии (они же страны «центра», «первого мира» или «золотого миллиарда») и периферии (они же «третий мир» или «зависимые») в мировом масштабе. На одном полюсе – богатство, а вместе с ним и более хорошо оплачиваемые рабочие места и более развитая инфраструктура, от дорог до театров. На другом полюсе – множество людей, не избалованных ни качеством, ни количеством рабочих мест, ни вообще благами жизни.

Якутские бриллианты: добываются в Якутии, продаются в Москве.

Разумеется, результатом такого разрыва будет перемещение огромных масс людей из провинции в столицу. И авторы опубликованных нами писем описывают преимущества жизни в Москве или Питере вроде бы вполне убедительно.

Однако есть и другая сторона вопроса. Если «утечка умов» из России на Запад хотя бы на словах осознаётся большинством людей как проблема для национальной экономики, то такая же «утечка умов» из провинции в столичные города считается вполне нормальным явлением. А ведь это ещё сильнее увеличивает и так огромный разрыв между центром и регионами. Если все способные, талантливые, творческие люди уедут в Москву и Питер, то откуда в провинции возьмётся та развитая культурная среда, об отсутствии которой пишут уезжающие?

Винить тут, конечно, нужно не их самих, а экономическую систему, которая вынуждает их действовать со своей индивидуальной точки зрения логично, но разрушительно с точки зрения последствий для общества в целом, и даже для них самих в долгосрочной перспективе. Ходячая фраза «Москва не резиновая» отражает не только снобизм «коренного» (или считающего себя таковым) москвича, но и объективную реальность. Никакая самая развитая городская инфраструктура не

выдержит такого мощного и постоянно увеличивающегося миграционного давления. Пресловутые автомобильные пробки, особенно столичных масштабов – наиболее наглядный пример того, как отдельный человек, пытаясь сделать хорошо себе, делает в итоге плохо и себе, и другим. Причём чем больше в столицу прибывает «понаехавших», тем яростнее они конкурируют между собой, понижая, таким образом, средний уровень заработной платы и способствуя удорожанию жилья.

Обезлюдившая провинция и переполненная столица – ситуация ненормальная с точки зрения здравого смысла. Однако многие из авторов полученных нами писем, кажется, не видят в самом факте вопиющего неравенства между центром и регионами ничего вопиющего, воспринимают его как норму или неизбежность.

С нашей точки зрения, здесь есть серьёзная опасность – счесть свой личный успех *оправданием* такого неравенства: «раз я смог добиться лучшей жизни в столице, значит, я этого достоин, а остальные, те, кто остался в условном Урюпинске – недостойны; они недостаточно креативны, динамичны и т.п., стало быть, они сами виноваты во всех своих бедах». Поклонение идолам Успеха и Конкуренции, идеология «будь эффективным или сдохни» насаждается и самой обстановкой мегаполиса с его ожесто-

чённой дракой всех со всеми за место под солнцем, и вузами вроде ВШЭ, который не просто «лучший университет России», но ещё и интеллектуальный штаб всех либеральных экономических реформ, проводимых правительством на протяжении более двух десятилетий. Та же самая идеология продиктовала гениальный ответ премьер-министра Медведева на слова учителя о низкой зарплате: «Ну, вы же не пошли в бизнес, а учитель – это призвание, поэтому вот».

Реальная общественная значимость профессии не определяется ни её престижем, ни уровнем оплаты. Без учителей, так же, как и без дворников, слесарей или водителей автобуса, экономика страны не будет нормально функционировать. А вот польза от высокопоставленных чиновников и топ-менеджеров крупных компаний, выписывающих самим себе астрономические суммы премий за протирание штанов, весьма сомнительна. Причём бедность одних и богатство других напрямую взаимосвязаны: то, что недополучают первые, достаётся вторым.

Та же самая зависимость наблюдается во взаимоотношениях между странами центра и периферии в мировом масштабе, между столицей и провинцией в масштабе страны. Плохо оплачиваемый труд провинциалов обеспечивает не только роскошное существование элиты, но и, в конечном счёте, относительное благополучие столичного «среднего класса» и вообще более комфортные условия жизни в столицах. Аналогичным образом нищета и бесправие китайских рабочих, вкалывающих от зари до зари на заводах компании Reebok, позволяют этой компании проводить бесплатные спортивные тренировки для москвичей.

Показателен такой, вроде бы, незначительный момент: многие авторы писем используют в своих текстах заимствованные из английского языка слова даже там, где можно было бы вполне обойтись русскими аналогами. Столичные города становятся как бы филиалами Запада, с соответствующим мышлением, и это плохо не столько из абстрактных соображений национальной гордости или чистоты языка, сколько от того, что под-

рывается способность граждан одной и той же страны понимать друг друга. «Они живут в совершенно другом мире» – эта фраза всё более и более точно описывает взаимное восприятие «столичными» и «провинциалами» друг друга. Чем заканчивается такое отчуждение преуспевающего и просвещённого меньшинства от тёмного и нищего большинства, из истории известно очень хорошо.

Причём в самих столичных городах тоже есть разделение на центр и периферию. А ведь стоит немного проехать за пределы кольцевой линии московского метро, и от витринного благополучия центра не останется и следа. Слова «Выхино» или «Бирюлёво» уже стали нарицательными. Здесь царит совершенно непохожая на воздух Тверской или Арбата атмосфера неуверенности, неблагополучия, агрессии, лихорадочной торопливости и в то же время твёрдого убеждения в том, что, как ты ни дёргайся, ничего из этого не выйдет.

Среди обитателей московских гетто – не только выходцы из Средней Азии, но и коренные жители российских городов и деревень, приезжающие в столицу на заработки. Об условиях их жизни и работы в Москве несколько лет назад была публикация в одной из центральных газет под красноречивым названием «[Вахтовый ад](#)». И эти гетто – такая же неотъемлемая часть столицы, как велодорожки и благоустроенные парки.

Конечно, каждый из нас волен считать, что деление людей на категории по месту жительства – это предрассудок и условность. Однако до тех пор, пока неравенство между этими категориями объективно существует, будут существовать и укрепляться разделяющие их границы. Характерный пример – недавний скандал вокруг Патриарших прудов: обитатели этого элитного квартала стали возмущаться наплывом в местные кафе и рестораны жителей московских окраин, называя их «саранчой». Некоторые ломают голову над тем, как бы создать барьер, который отделил бы «чистую публику» от «нечистой». Но проблема в том, что мир богатых и сытых не может существовать без мира нищих и голодных. Общество – единый орга-

низм, в котором всё взаимосвязано и который нельзя перегородить стеной, как бы кто ни пытался это сделать.

Единственным настоящим решением этой проблемы является ликвидация неравенства и создание везде, где живут люди, достойных условий для жизни, работы и самореализации. Да, это звучит утопически – но альтернативой является катастрофа, которая неизбежно наступит рано или поздно, если взаимоотношения столицы и провинции будут развиваться так же, как сейчас. Да, это задача огромной трудности – но для того, чтобы хотя бы подступиться к её решению, необходимо, по крайней мере, чтобы в провинции оставался хоть кто-то из социально активных людей, равнодушных к будущему своей страны.

В одном из писем прозвучала мысль о том, что не попробовать уехать из провинции – это «непростительное ограничение мечтаний», что лишь в условиях столичной жизни, «вынуждающей выходить из зоны комфорта», можно полностью проявить себя. Не претендуя на подобную категоричность, мы всё-таки отметим, что провинция отнюдь не является «зоной комфорта», и зачастую для того, чтобы оставаться здесь и, вопреки всем трудностям, воплощать свои мечты в жизнь, требуется ничуть не меньше, а возможно, и больше смелости, чем для переезда в столицу.

В конце концов, конечно, не место красит человека, а человек место. Неважно, где жить, важно сохранять трезвый взгляд на вещи. Понимать, что в обществе всё взаимосвязано, что не может быть прочным твоё личное благополучие, когда «за МКАДом жизни нет», что нельзя быть счастливым в одиночку, когда миллионы людей обречены на беспросветное существование. И делать всё, что в твоих силах, чтобы это изменить.

Редакция «Ухнем!»

Далее — поэтический взгляд на столицу и провинцию глазами авторов журнала

Сергей Шамов (Набережные Челны)

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ НЕНАВИСТЬ

Последний рубль наваришь и
ты сам почти что Крёз.
Спешат мои товарищи
по следу сладких грёз,

по следу вновь уехавших
в бездонный рот столиц
оттуда, где помехи, вши,
тоска знакомых лиц.

Приехал гость — уважь его,
чтоб не терпел нужду.
Ничьих я не спроваживал
и никого не жду.

Мне обитать на Каме — блеск.
Красоты манят глаз.
Я в эту глубь ногами б лез,
коль был бы водолаз.

Кто в эти дали хаживал,
хватая и кроя?
Кто вас облагораживал,
привольные края?

Я сил своих и четверти
не приложил для вас!..
В безрадостном ключе твердил
товарищ свой рассказ

о том, как вёл борьбу за жизнь
с щитом и на щите,
о том, как землю тряс и грыз,
стыде и нищете.

Он в дальнем уголке питал
надежду, метил в лоб.
Но "London is the capital..."
ему не помогло б.

Не тронул он, увы, мещан
столичных силой строк.
И гнев его был вымещен
на пыль кривых дорог.

Остынь, чудака гадающий!
След за собой домой.
Ползти тебе куда ещё,
раз не к себе домой?..

К обману раз хоть двести нас
нет смысла подстрекать.
Жизнь осознать, как есть она,
ведёт твоя строка.

Михаил Волчков (Самара)

МОСКВА, или СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ

Ещё златые купола не тронул рассвет
А где-то под землёй уже запел турникет
И скоро миллионы человеческих ног
Сольются воедино в бесконечный поток

Здесь человеку человек никто или волк
Здесь совесть это грех а равнодушие долг
Здесь на Арбате пир а в Чертаново чума
Здесь нужно очень постараться не сойти с ума

Москва...

Крутит колёса судьбы
Дух конкурентной борьбы
Город-сказка город-мечта
Круглые сутки одна суэта

Ночью и днём поезда
Едут с окраин сюда
Схема движения очень проста
В центре богатство вокруг нищета

И вот ты каждый день как будто белка в колесе
Ведь нужно чтобы у тебя всё было как у всех
Машина ипотека заграница каждый год,
И вроде бы всё есть но только ты уже не тот

Москва мёртвой хваткой зажала в тиски
И остаётся только волком быть и выть от тоски
Ты по дешёвке продал душу в конкурентной борьбе
Теперь ты никому не нужен даже самому себе

Москва...

Манит она как магнит
Блага земные сулит
Город-сказка город-мечта
Снаружи позолота внутри пустота

Светит она как маяк
Лучи посылая во мрак
В центре богатство вокруг нищета
В этой конструкции что-то не так

Парни и девчонки из провинции не стоит торопиться
Если манит вас столица или даже заграница
Я понимаю что ты задолбался на своей собачьей работе
И что смертельно надоело плавать в этом чёртовом болоте

Но ведь карьера успех и другие подобные темы
Всё это уловки чтобы ты был навечно винтиком системы
И даже в той зачуханной дыре где тебе довелось родиться
Твоя здоровая молодая злость ещё пригодится

А Москва ну что Москва там в общем то же что везде
Кто-то копит на Майбах а кто-то экономит на еде
Пора снимать с ушей лапшу про карьеру и успех
Нам нужна одна страна и одно счастье для всех

Счастье для всех

От редакции. В середине XIX века французская деревушка Барбизон стала местом жительства и работы для целой группы художников, которые основали новое направление в живописи – так называемую «барбизонскую школу». Они не без основания решили, что лучше всего изображать природу, находясь на самой природе. «Барбизонцы» рисовали пейзажи, связанные с жизнью и трудом обычных людей, без всякой манерности и приукрашивания. Так начиналось реалистическое искусство.

БАРБИЗОН НА ВОЛГЕ

интервью и фото о фестивале

Илья Перепёлкин

Свой Барбизон есть и в Самарской области. Фестиваль «Новый Барбизон», который в 2016 году отмечает свой десятилетний юбилей, проходит в самом подходящем для этого месте – в селе Ширяево. Именно здесь работали русские художники-реалисты, представители движения передвижников, сюда приезжал Репин, когда создавал своих знаменитых «Бурлаков на Волге». Именно здесь, в овеянных легендами местах, где с вершин Жигулёвских гор открывается неповторимый вид на излучину великой русской реки, очевидно, располагается один из земных филиалов рая не только для художника, но и для любого человека, равнодушного к природе и к истории родной страны.

В этом номере журнала мы публикуем интервью с одним из организаторов фестиваля «Новый Барбизон» – **Ильёй Перепёлкиным**, самарским художником, педагогом Детской художественной школы №2.

- Расскажи немного о том, как появился «Новый Барбизон».

- Идея «Барбизона» принадлежала Аннетте Яковлевне Басс [директор Куйбышевского, затем Самарского художественного музея, заслуженный работник культуры РСФСР]. Первый Барбизон проводили в 2006 году сотрудники музея Елена Дымина и Мария Петрова, тогда он назывался «Жигулёвский Барбизон».

Идея заключается в обмене опытом между людьми разных творческих профессий: каждый рассказывает и показывает другим то, что умеет сам.

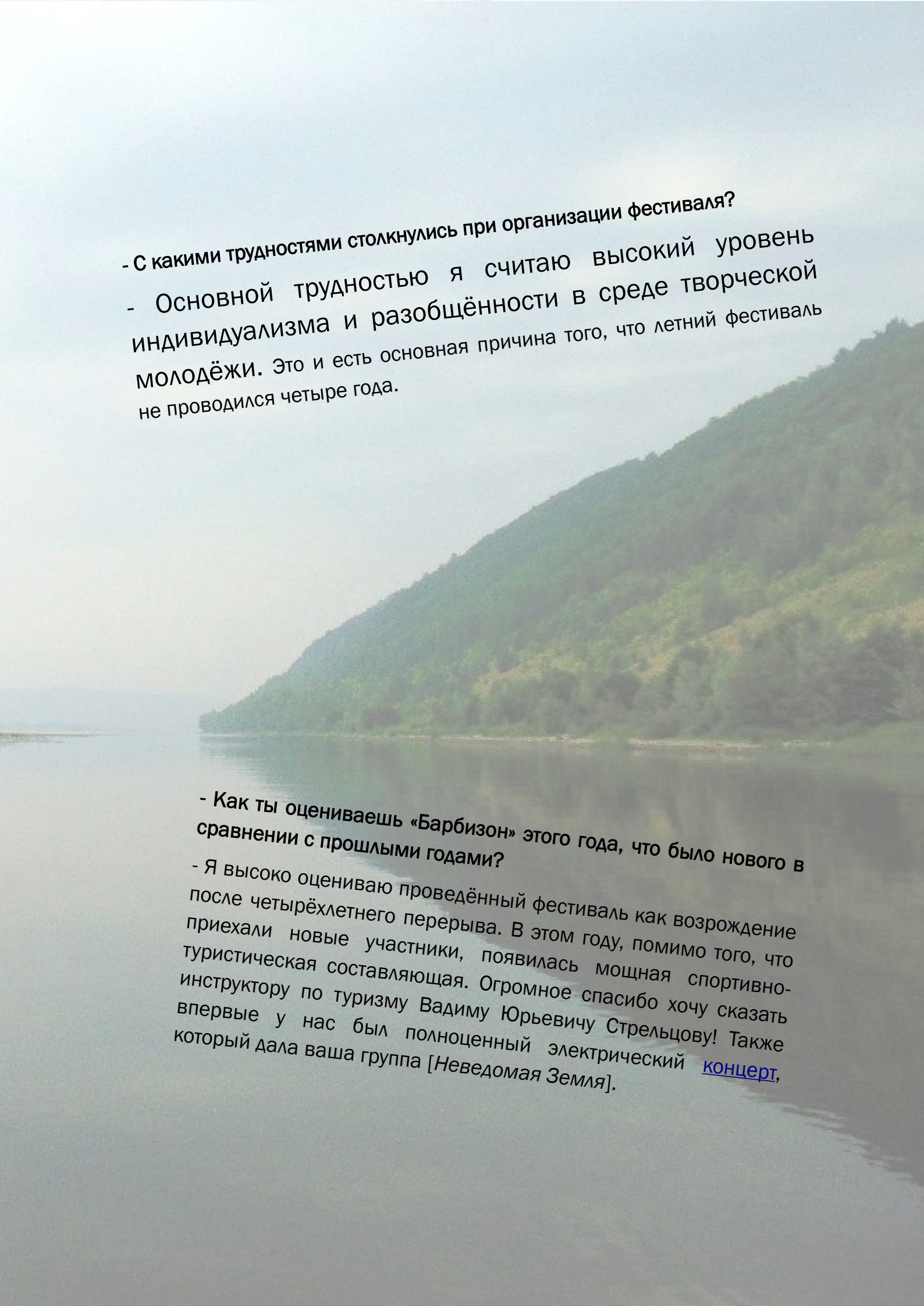
- Какие цели ставятся перед фестивалем? Что ты считаешь показателем его успешности?

- Основную свою цель фестиваль успешно выполняет – он объединяет творческую молодёжь. Показателем успешности я считаю то, что число участников растёт, проводятся качественные выставки на вполне профессиональном уровне, не на ученическом. Выставки обычно организуем осенью, после фестиваля, проводились они в детской художественной школе №2, Самарском художественном музее, издательско-полиграфическом техникуме, Дворце культуры «Чайка» и т.д.

Долгое время мы бились над тем, чтобы на выставках, помимо этюдов, были представлены и картины, но пока с этим сложно. Также хотелось бы, чтобы люди не только приезжали на летний фестиваль, но и участвовали в межсезонных и других мероприятиях. Сейчас таких очень мало.

- Каков социальный и возрастной состав участников фестиваля?

- Социальный состав я специально не анализировал, но могу сказать, что творческим профессиям не учатся представители буржуазии. В основном – молодёжь из простых семей, попадают дети мелких начальников. Средний возраст основных участников фестиваля – около 30 лет.

- С какими трудностями столкнулись при организации фестиваля?

- Основной трудностью я считаю высокий уровень индивидуализма и разобщённости в среде творческой молодёжи. Это и есть основная причина того, что летний фестиваль не проводился четыре года.

- Как ты оцениваешь «Барбизон» этого года, что было нового в сравнении с прошлыми годами?

- Я высоко оцениваю проведённый фестиваль как возрождение после четырёхлетнего перерыва. В этом году, помимо того, что приехали новые участники, появилась мощная спортивно-туристическая составляющая. Огромное спасибо хочу сказать инструктору по туризму Вадиму Юрьевичу Стрельцову! Также впервые у нас был полноценный электрический [концерт](#), который дала ваша группа [Неведомая Земля].

- Какие проблемы стоят сегодня перед молодежью, которая хочет научиться искусству?

- Я считаю, что основная проблема для желающих заниматься искусством – социально-экономическая. Престиж творческих профессий в обществе крайне низок, люди чувствуют социальную незащищённость, не видят перспектив. У нас, художников, есть несколько путей, чтобы заработать на хлеб – это педагогика, роспись стен, портреты на памятниках, татуировки, дизайн, рисование компьютерных игр... И, наконец, самый сложный и тернистый путь – пытаться зарабатывать собственным творчеством. Все пути, кроме педагогики и дизайна, достаточно ненадёжные. Рынок требует, чтобы люди работали качественно, быстро и бесплатно :) Отсюда и противоречия.

- Каким ты видишь дальнейшее развитие «Нового Барбизона»?

- Расширение коллектива и географии фестиваля, совершенствование профессионального уровня участников.

**Вся информация о фестивале —
в [сообществе](#) «Новый Барбизон»!**

Михаил Волчков (Самара)

ХРОНИКИ КЛУБНОЙ ЖИЗНИ

или **Народный дом** от расцвета до заката

(Продолжение. [Начало](#) в №2)

ДОМ НАРОДА – ИЛИ ДОМ ДЛЯ НАРОДА?

В Интернете нередко можно прочесть, что именно в России, в городе Томск, возник в 1882 году самый первый в истории Народный дом. Нередко это утверждение сопровождается бахвальством по поводу грандиозных успехов царской России в области культуры и просвещения. Однако, кроме цитаты из Википедии, никаких источников, подтверждающих эту версию, не приводится. А в работах специалистов по теме создание Народного дома в Томске относится к периоду после 1903 года [1]. Мораль: не нужно верить на слово ни Википедии, ни пропагандистам «России, которую мы потеряли».

Всё-таки представляется более логичным, что народные дома впервые появились в Великобритании, наиболее промышленно развитой стране своего времени. В России же правящий класс взял на вооружение опыт своих британских коллег в начале XX века, когда «рабочий вопрос» уже приобрёл достаточную остроту и доставлял много неприятностей правительству, хотя численность промышленных рабочих была всё ещё сравнительно небольшой.

Первый Народный дом, открытие которого состоялось в конце 1900 года в Петербурге, назывался «Заведение для народных развлечений императора Николая II» или, сокращённо, «Императорский Народный дом». Как и аналогичный Народный дворец в Лондоне, это масштабное учреждение включало в себя не только помещения для концертов и спектаклей, но и зимний сад с гимнастическим залом, а в прилегающем парке располагались аттракционы.

Народный дом императора Николая II в Санкт-Петербурге. Фото сделано во время празднования 300-летия династии Романовых в 1913 году.

Само словосочетание «Императорский Народный дом» уже указывало на внутреннее противоречие: Народный дом планировался властями не как дом *самого* народа, а как дом *для* народа, как центр пропаганды господствующей идеологии, специально приспособленный к нуждам и потребностям «низов». Это касалось всех подобного рода официальных культурно-просветительских учреждений для рабочих – клубов, чайных и т.п. Их организаторами, как правило, были либо попечительства о народной трезвости, либо «жёлтые», или «зубатовские», профсоюзы (создавались по инициативе шефа московской полиции Зубатова). В любом случае благотворительные цели были только прикрытием для целей политических. А иногда обходились даже без этого прикрытия. Так, уже упоминавшийся Томский народный дом был отдан в аренду крайне правому, печально прославившемуся своей отморозенностью «Союзу русского народа», так называемым черносотенцам.

Тем не менее, открывая «узенькую щель, отдушину к некоторому стихийному общению масс», подобные учреждения служили, против воли их организаторов, развитию классового самосознания рабочих. Особенно ярко это проявилось в ходе Первой русской революции 1905-1907 годов, когда под напором массового движения многие «официальные» народные дома превратились в революционные центры. Так, Народный дом имени А.С. Пушкина в Самаре в 1905 году стал местом создания первого в губернии профсоюза, штаб-квартирой Совета рабо-

чих депутатов и местной организации социал-демократов. Сюда приходили жители города и ходоки со своими нуждами, поступали деньги на покупку оружия для боевых дружин. Местным властям пришлось силами полиции, казаков и солдат взять в осаду собственное детище, ставшее гнездом бунтовщиков. А в Вологде Народный дом, который также носил имя Пушкина и играл аналогичную роль во время революционных событий, был сожжён в ходе погрома, устроенного местными черносотенцами.

Народный дом имени А.С. Пушкина в Самаре (сейчас — Дворец культуры железнодорожников имени А.С. Пушкина).

Наряду с центральными и местными властями, инициаторами создания народных домов выступали либеральные общественные деятели и организации. Пожалуй, самый яркий пример – Лиговский Народный дом в Петербурге, носивший также имя «Народный дом графини Паниной».

Софья Панина

Софья Панина, крупная землевладелица и обладательница огромного состояния, активно занималась благотворительностью и придерживалась либеральных взглядов, за что была прозвана «красной графиней». В 1891 году она создала бесплатную столовую для нуждающихся детей на Лиговке, беспросветной рабочей окраине Петербурга. Впоследствии это начинание разрослось до масштабов Народного дома, где располагались первая в стране общедоступная обсерватория, первый передвижной драматический театр, библиотека с читальней, ремесленные и общеобразовательные классы для взрослых и детей, прачечная, гимнастический зал, велись уроки музыки и пения, проводились публичные лекции ведущих учёных. В качестве отдельных подразделений «дома Паниной» работали музей учебных пособий, сберегательная касса и бесплатная юридическая консультация.

При этом в Народном доме, наряду с алкоголем и азартными играми, была запрещена любая политическая пропаганда, которую Панина считала «бесчестной по отношению к непросвещённому народу». Однако и либеральные народные дома, невзирая на намерения их организаторов, пропитывались революционным духом. Тот же Лиговский народный дом в годы Первой русской революции стал местом большевистских собраний и митингов, в которых, в том числе, участвовал В.И. Ленин.

Само название «Народный дом графини Паниной», как и «Народный дом императора Николая II», как бы воплощает в себе идею благодетельствования народа «сверху». Но взаимопонимания между народом и его благодетелями не получилось. Октябрьскую революцию «красная графиня» Панина встретила крайне враждебно: будучи заместителем министра народного просвещения во Временном правительстве, она отказалась выдавать большевикам денежные средства министерства, переведённые ею в иностранный банк, за что была предана суду Революционного трибунала (приговорена к общественному порицанию).

Один из свидетелей-рабочих на суде сказал:

«У этой женщины доброе сердце. Она пыталась делать добро, строив школы и кухни, где варили супы. Но если бы люди могли получать деньги, которые она имела на поту и крови, то мы сами смогли бы построить школы, собственные ясли и кухни, где также варили бы супы. Люди должны научиться читать, потому что у них есть на это право, а не из-за того, что какой-то человек – добрый».

Эти слова показывают, насколько высокой степени развития достигло к 1917 году классовое сознание и чувство собственного достоинства российского пролетариата. Он уже не нуждался в подачках со стороны власти или «образованного общества». Стремление элиты Российской империи использовать, по английскому образцу, народные дома в качестве инструмента поддержания «социального мира» привело к результатам, прямо противоположным ожидаемым: развитое рабочее движение смогло «перехватить» эту идею и наполнить её революционным содержанием.

Анатолий Луначарский

Однако для создания своих собственных народных домов у рабочих в царской России не было ни материальных, ни политических возможностей. Подлинно самостоятельные рабочие культурно-просветительные организации существовали в виде клубов и кружков, как правило, недолговечных из-за полицейских преследований. Возможность создавать свою собственную, пролетарскую, культуру открыла для рабочих Октябрьская революция, практически одновременно с которой возникла организация под названием Пролеткульт. Одним из инициаторов создания Пролеткульта и его идеологов был Анатолий Луначарский – народный комиссар просвещения в первом Советском правительстве.

ПЛОДЫ ПРОЛЕТКУЛЬТА

Прежде всего, изменения в культурной политике после революции коснулись количественной стороны вопроса: если к 1917 году по всей России насчитывалось **237** народных домов [2], то за первые два года Советской власти их было открыто **7000** [3]. Такой колоссальный прогресс стал возможен благодаря материальной помощи со стороны Народного комиссариата просвещения, местных органов Советской власти и профсоюзов.

Но ещё важнее то, что большинство из вновь возникших народных домов и других культурно-просветительских организаций создавалось по инициативе самих жителей, причём местные власти иногда не поспевали за низовой инициативой. Это касалось как губернских городов, так и отдалённых «медвежьих углов»: так, например, крестьяне из Пугачёвского уезда Самарской губернии сами свезли лес, выделили рабочих, построили народный дом и поставили представителей власти перед фактом, пригласив их на открытие [4].

Первая всероссийская конференция Пролеткульта. 1918 год.

Необычайный культурный подъём в среде рабочих и крестьян особенно впечатляет, особенно если учесть, что происходило это всё в условиях Гражданской войны, голода и экономической разрухи. Люди, уставшие после тяжёлой работы, уделяли по несколько часов в день занятиям в художественных, литературных и театральных студиях Пролеткульта, делились своими скудными пайками керосина и шли за город рубить дрова, чтобы топить и освещать помещение вечерних общеобразовательных курсов.

Самодеятельность – важная характеристика послереволюционных рабочих клубов. Этим они коренным образом отличались от большинства «официальных» народных

домов в царской России, посетители которых были только пассивными зрителями и слушателями, а не активными участниками творческого процесса. Теперь же трудящиеся не только жаждали получать культуру как благо из рук «дарителей», они хотели творить её сами. Разделение на исполнителей и почтительно-молчаливую аудиторию стало считаться недопустимым: *«Это не клуб, если время от времени профессиональные артисты или даже любители ставят спектакли. Это не клубная жизнь, когда устраивается лекция и надо сидеть чинно, смирно и слушать по размеренным промежуткам времени искусную речь лектора. Здесь нет принуждённости, нет элементов свободного социального общения»* [5].

Сами рабочие, посетители клуба, становились лекторами, чтецами, актёрами, певцами, музыкантами, поэтами, художниками... С точки зрения «чистого искусства» художественная самодеятельность широких масс, конечно, не заслуживала никакого внимания – дескать, какие такие культурные ценности могут создать ещё вчера полуграмотные, а то и неграмотные рабочие и крестьяне? Но она имела огромное значение для самих её участников, поскольку каждый из них творил сам себя как личность, а все вместе они творили совершенно иное общество.

Это был, пожалуй, один из самых грандиозных во всемирной истории прорывов в освобождении человека от давящего разделения труда. От ситуации, когда человек, со всем богатством его мыслей, чувств, талантов, стремлений, низводится до роли исполнителя отведённой ему производственной функции, до роли винтика огромного механизма, и не имеет возможности проявить свои подлинно человеческие качества – творить, совершать открытия и делиться ими с товарищами.

Задачей послереволюционных рабочих клубов, как отмечает Л.А. Булавка, было не только просвещение народа, но и вовлечение его в строительство своего собственного государства [6]. По словам Луначарского, «клуб должен быть кусочком социализма, местом и обучения, и отдыха, и распространения среди окружающих основных начал нового социалистического понимания жизни» [7]. Через клубы реализовывалась важнейшая идея революции – не должно быть людей только физического или только умственного труда: все, кто стоит у станка или работает в поле, после окончания своей работы имеют право и возможность расширять свой кругозор, развивать свои таланты, получать опыт обсуждения и решения общественных вопросов.

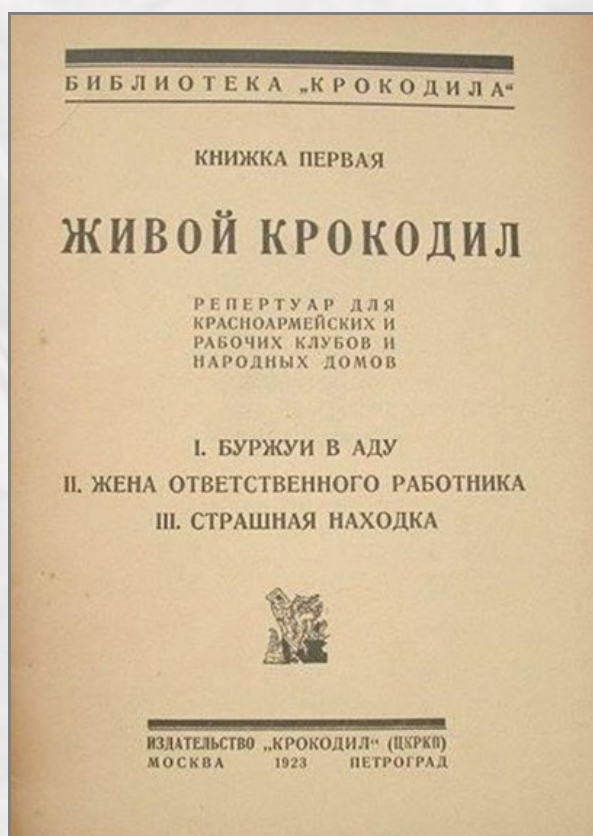
Клуб коммунальщиков имени Зуева в Москве. Построен в типичном для 1920-х годов стиле конструктивизма.

В рабочих клубах зародилось, например, такое заметное общественное начинание советского времени, как движение рабочих и сельских корреспондентов (рабкоров и селкоров). Люди, которые не были журналистами по профессии, но хотели освещать в печати самые острые проблемы по месту своей работы и жительства, занимались этим в свободное время, получая необходимую подготовку в клубах.

О том, какой резонанс имела их деятельность, говорит тот факт, что селькоры нередко расплачивались жизнью за свои публикации, задевавшие интересы всё ещё влиятельных в 1920-е годы кулаков. В течение всей советской эпохи рабселькорское движение сохраняло свою роль как инструмент (хотя и ограниченный) общественного контроля и разоблачения злоупотреблений начальства.

На подмостках рабочих клубов возникли также такие своеобразные формы общественного творчества, как «живой журнал» (да-да, он существовал задолго до появления Интернета!) и «живая газета». Это, по сути, самодеятельная театральная постановка, по форме нечто вроде КВН более позднего времени, но не просто соревнование в зубоскальстве, а настоящая публицистика по конкретным и актуальным темам, подразумевавшая, в том числе, и импровизированные ответы на вопросы слушателей по ходу действия.

«Живжурналисты» и «живгазетчики», так же, как рабселькоры, клеймили позором недобросовестных администраторов, жуликов, лодырей, критиковали бытовые и производственные недостатки, разъясняли рабочим их права (например, инсценировали Кодекс законов о труде). Иногда даже профсоюзный комитет завода отчитывался перед работниками о своей деятельности в формате «живой газеты». Песня, частушка, танец, пантомима, кукольный спектакль – формы могли быть самыми разнообразными.

Сборник сценариев театральных постановок
для рабочих клубов и народных домов,
изданный сатирическим журналом
«Крокодил». 1923 год.

Один из коллективов, работавших в этом жанре, под названием «Синяя блуза», породил целое движение с таким же названием по всей стране и имел влияние даже в мировом масштабе – под его влиянием немецкий драматург Бертольт Брехт впоследствии создал свой «эпический театр» как новое направление в драматическом искусстве, обращённое в большей мере к разуму зрителя, а не к его чувствам.

Участники самодеятельного театра «Синяя блуза».

ОТ КОММУНЫ К УЧРЕЖДЕНИЮ

И всё-таки потенциал рабочих клубов не был реализован в полной мере. Один из практиков внешкольного образования А.А. Петров на этот счёт писал, что именно клубы как «центры выработки общественного мнения» могут помочь гражданскому и политическому просвещению в стране, где до революции большинство населения не могло сознательно участвовать в политической жизни, из-за чего люди выбирали «свою» партию зачастую по случайным или сиюминутным соображениям [8]. В особенности большая опасность, как полагал Петров, угрожала партии большевиков после того, как она стала правящей:

«Партия разжижается не вполне сознательными элементами, теряет под собой прочный фундамент длительного строительства. А это нередко может привести и приводит к процессу перерождения партии и её упадку».

С высоты времени мы можем оценить, насколько прозорливым был этот прогноз.

Нечто похожее писал уже упоминавшийся в первой части данной статьи итальянский марксист Антонио Грамши. С его точки зрения, слабость гражданского общества в царской России способствовала успеху революции, но после её победы становилась препятствием для дальнейшего движения вперёд. Победившему пролетариату требовалось создать своё собственное гражданское общество, то есть систему собственных общественных организаций, тесно связанных с государством, но действующих независимо от него. Без этого фундамента, который обеспечивает активное вовлечение людей в общественную жизнь, новый порядок будет вынужден опираться только на силу государственного принуждения, а значит, будет непрочным.

Мог ли рабочий клуб в условиях Гражданской войны и вооружённого противостояния разных политических сил стать «местом для дискуссий»? По крайней мере, такие попытки предпринимались: например, в рабочем клубе самарского Трубочного завода в 1919 году предлага-

лось «устроить чтение программ разных партий и их совместное обсуждение, что поможет многим неопределившимся ещё товарищам рабочим и работницам разобраться в программах партий и определить свою партийную принадлежность» [9]. Однако многие клубы времён Гражданской войны, по замечанию того же А.А. Петрова, превращались в агитационные пункты коммунистической партии, в «своеобразные школы упрощённой партийной учёбы» [10].

Об устарелости и неадекватности такого подхода говорила, в частности, один из руководителей системы просвещения Н.К. Крупская в 1924 году, на первом съезде клубных работников. Она отмечала «ростки новых форм клубной жизни», когда клуб становится местом, «где закрепляется новый быт, где выковывается общественное мнение», и связывала это с ростом самодеятельности масс, который требует «умения вслушиваться, всматриваться в то, чего эта масса хочет, не столько вести массу, сколько идти с массой» [11].

Но развитие государства в целом шло в противоположном направлении: самостоятельность Пролеткульта постепенно была ликвидирована, то же самое произошло и с профсоюзами, в ведение которых перешло большинство рабочих клубов. Все общественные организации, даже, сама коммунистическая партия, фактически стали приложением к государственному аппарату, то есть произошло ровно обратное тому, к чему призывал Грамши.

В 1926 году один из практиков клубной работы М.Лейзеров отмечал, что для многих клубов характерны формализм, отсутствие связи с жизнью и потребностями своей аудито-

рии. Причину он видел в том, что активисты клубов не готовы брать на себя ответственность за своё детище. Недостатки в работе клубов они критикуют втихомолку, между собой, не пытаются исправить их самостоятельно, перекладывая всю ответственность на плечи правления клуба. А во время выборов правления ждут, «как бы поскорее это дело закончилось», и радуются, когда заводской комитет и партийная ячейка предлагают готовый список кандидатов – не нужно думать самим [12]. В данном случае мы видим проявление общей тенденции, которая становилась всё более характерной не только для клубов, но и для общественной жизни в целом.

Если в начале 1920-х годов рабочий клуб рассматривался как «коммуна, основанная на самодеятельности и самоуправлении», то в 1930-е годы он превратился в государственное учреждение культуры, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Важной вехой на этом пути стал отказ от фиксированного членства в клубах. Раньше посетитель клуба, чаще всего связанного с определённой профсоюзной организацией, имел членскую книжку и уплачивал взносы, а значит, с большей вероятностью ощущал себя хозяином в клубе и чувствовал себя вправе требовать отчёта от его руководства. Теперь же клубы стали доступны всем, вне зависимости от принадлежности к тому или иному профсоюзу, но их посетители всё больше превращались, как и в дореволюционных народных домах, в простых потребителей «культурных благ».

К 1970-м годам большинство советских клубных учреждений, особенно на селе, ограничивало свою деятельность только обслуживанием посетителей путём демонстрации кинофильмов, иногда лекций, концертов, спектаклей [13]. Клуб, по сути, был сведён к гигантскому зрительному залу, который предполагает пассивного зрителя, а не активного соучастника. Даже самые роскошные с точки зрения архитектуры ДК нередко оказывались полупустыми, отчасти как раз из-за этой роскоши

и парадности – те, для кого создавались «белораморные дворцы сплошь в зеркалах и люстрах», чувствовали себя в них неуютно [14]. Безусловно, многие ДК играли важную просветительскую роль, однако социальная их роль по сравнению с первыми послереволюционными годами неуклонно снижалась. Слово «самодеятельность» стало ассоциироваться исключительно с непрофессиональным художественным творчеством, но никак не с общественной активностью.

Расплачиваться за отсутствие «советского гражданского общества» пришлось в годы перестройки. Миллионы людей, не имевшие ни самостоятельно выработанного мировоззрения, ни навыков самостоятельных политических действий, не смогли противостоять повороту к капитализму или стали орудием манипуляций в руках тех, кто осуществлял этот поворот. Среди потерь, понесённых нашей страной в ходе реставрации капитализма, оказалось и огромное количество клубных учреждений – многие из них, находившихся на балансе крупных предприятий, были физически уничтожены или перепрофилированы.

Один из множества ДК, уничтоженных в 1990-е.

Разрозненность, разобщённость, индивидуализм – одни из главных болезней современного российского общества: пока «каждый сам за себя» и старается «выплывать» в одиночку, никакие серьёзные общественные проблемы не могут быть решены. Усугубляются эти болезни катастрофической нехваткой доступных общественных пространств – мест, где можно собираться, делиться знаниями, опытом, навыками. Спрос на подобные места огромен, и коммерческих предложений подобного рода становится всё больше и больше. Но коммерческое по определению не может быть общедоступным. А в ситуации, когда сфера государственного образования и культуры всё больше переводится на коммерческие рельсы, потребность в таких, общедоступных, очагах просвещения, взаимопомощи, культурного и общественного развития становится всё более острой.

Поэтому в настоящее время идея Народного дома представляется не менее актуальной, чем сто лет назад. Исторический опыт прошлого века показал, что наличие у трудящегося большинства человечества «своей головы на плечах», то есть своей собственной, самостоятельной, не навязанной извне культуры, крайне важно – от успехов и неудач в этой сфере зависят политические победы и поражения. И любое движение за социальный прогресс, как в масштабе нашей страны, так и в мировом, неизбежно будет сталкиваться с необходимостью решения этой проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лаптева Г.Я. Народные дома. Из истории вопроса // Экология культуры. Архангельск, 2007. №2. С.177.
2. Дмитриева Л.А. Библиотека и клубная деятельность: история и современность // Первые Ермаковские чтения «Сибирь вчера, сегодня, завтра»: материалы регион. науч. конф. (Новосибирск, 21 декабря 2008 года). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. С.343.
3. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. В 2 кн. Кн.2. Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001 (http://www.alyoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_2_088.html).
4. Волжская коммуна. 1919. 19 июля; Волжская коммуна. 1919. 17 августа.
5. Петров А.А. Народные клубы (рабочие и крестьянские). М.: Изд-во журнала «Народный учитель», 1919. С.10.
6. Булавка Л.А. «Низы» Пролеткульта и рабочие клубы 1920-х годов: что делали и чем жили // Альтернативы. М., 2012. №3 (<http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a3-2012/16625-nizy-proletkulta-i-rabochie-kluby-1920-h-cto-delali-i-chem-zhili.html>).
7. Луначарский А.В. Десятилетие революции и культура. М.-Л.: ГИЗ, 1927. С.12-13.
8. Петров А.А. Указ. соч. С.34.
9. Волжская коммуна. 1919. 11 октября.
10. Петров А.А. Указ. соч. С.40.
11. Крупская Н.К. Библиотечное дело. Избы-читальни. Клубные учреждения. Музеи. М.: Директ-Медиа, 2014. С.87-89.
12. Лейзеров М. Что ты можешь делать в клубе. М.-Л.: Гудок, 1926. С.20.
13. Блинова Г.П. К вопросу о становлении и сущности советского клуба // Вопросы истории и теории развития клубов в СССР. Сб. тр. Вып.26. М., 1975. С.95.
14. Гагин В.Н. Интересно ли в вашем клубе? М.: Политиздат, 1989. С.37, 40.

Если вас заинтересовала идея создания Народного дома и вы хотели бы высказать свои собственные соображения или предложения по этой теме — пишите на нашу редакционную почту:

unland.su@gmail.com

Журнал издаётся клубом «Неведомая Земля».

Материалы всех номеров публикуются здесь:

unland.su/oohnem

Сообщество ВКонтакте: vk.com/oohnem

Редакционная почта: unland.su@gmail.com

